

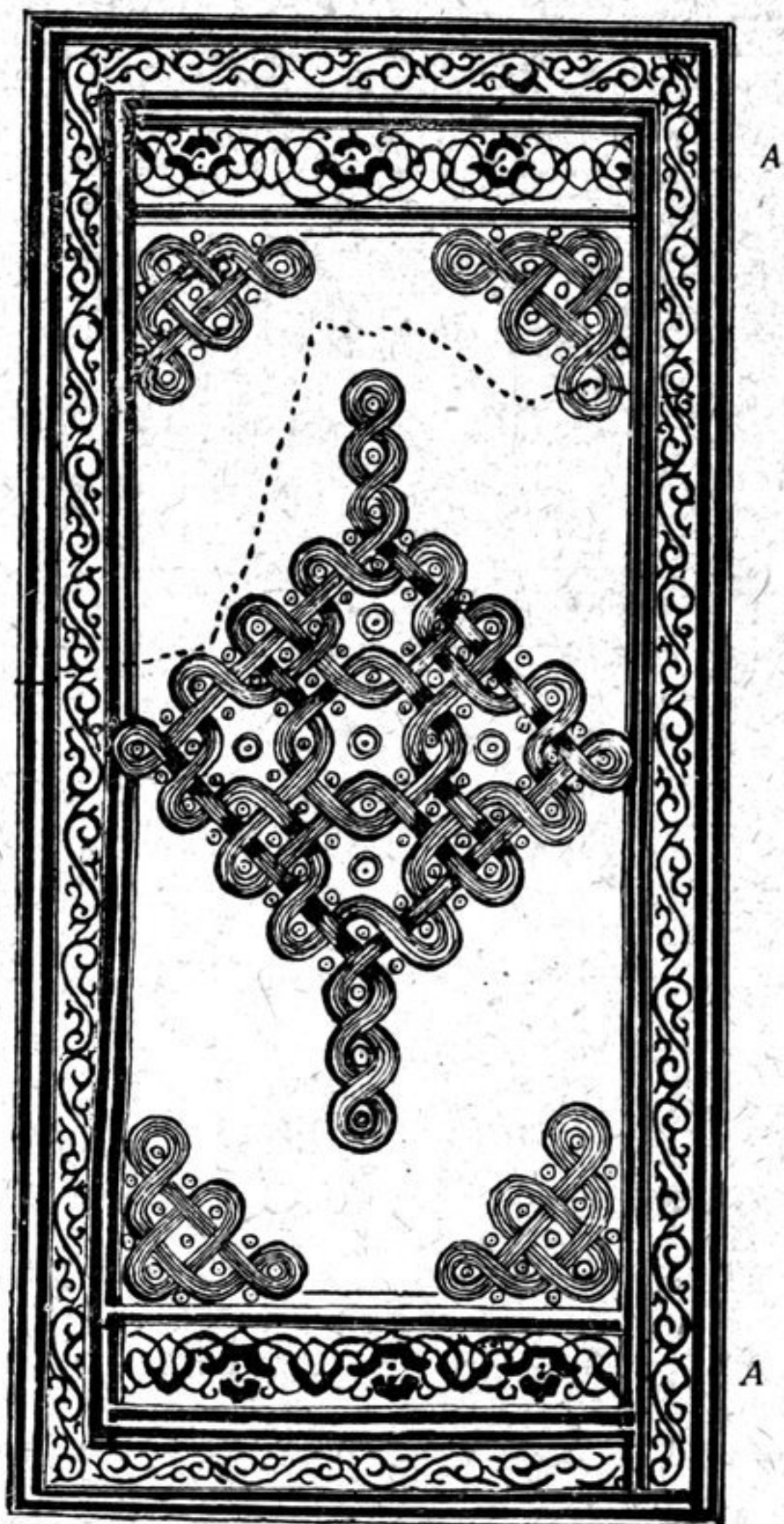
сульманский и более типично — персидский. «Мы имеем», замечает С. Ф. Ольденбург, «по всей вероятности, работу XIII века».

Внутристенная поверхность площади Хара-хото, вообще, больше всего заполнена черепками посуды всевозможных величин, качеств и форм; очень любопытна глиняная посуда огромных размеров, с оригинальными рисунками, служившая, вероятно, для хранения напитков, а может быть — одного самого необходимого напитка — воды. На поверхности земли мы находим монеты — чохи, — бусы, кусочки нефрита и всевозможную мелочь, словом, все то, что ныне хранится из находок в Хара-хото в этнографическом отделе Русского музея.

Пески заметали Хара-хото главным образом с севера. У северной и восточной стен как внутри, так и извне крепости, нагромождения сыпучих песков достигали наибольших размеров. Достаточно сказать, что не только люди, но даже верблюды могли свободно взбираться на северо-восточный угол и вершину западной стены, а в некоторых местах можно было с такою же легкостью и спускаться — во внутрь города. Разделенный на правильные улицы пригород примыкает с восточной стороны, к самой стене крепости, и разделяется, уходящей к востоку, в Боро-хото дорогой на две части: северную и южную.

В давно минувшие времена Хара-хото, по всей вероятности, с юга и севера омывался двумя рукавами речек, соединившихся затем в северном направлении в одно общее русло, которое, в свою очередь, терялось в солончаковой котловине на севере.

В течение нескольких дней, проведенных на развалинах Хара-хото, в общем итоге, экспедиция обогатилась всевозмож-



Переплет [Орпамент указывает на весьма разнообразные влияния].